
РЕВАНШ ИСТОРИИ

ПАНАРИН Александр Сергеевич (26.12.1940 – 25.09.2003), величайший мыслитель современности

Почему Запад в целом поверил в конец истории, с рекламной броскостью заявленный в статье профессора Ф. Фукуямы ?

Наверное, потому, что победители отличаются самоуверенностью и падки на лесть, а статья Фукуямы, несомненно, была одой победителю в холодной войне. Ну и, конечно, потому, что конец истории предопределяется той рационалистической схемой мышления, которая на Западе окончательно сложилась в эпоху Просвещения (а на интуитивном уровне значительно раньше) и которая отводила Западу роль субъекта, наделенного «разумной волей», а остальным народам — пассивного объекта, такой воли не имеющего. Причем с того времени, как вышла статья Фукуямы, указанная схема претерпела новое конструктивное упрощение, делающее ее еще более одиозной. Судя по многим признакам, роль субъекта отводится уже не всему Западу, а персонально США. В геополитическом варианте однополярного (моноцентристского) мира именно Америка должна выступать в виде вселенского центра, окруженного странами-сателлитами. Вестернизация мира обретает форму его американизации, но, разумеется, не в смысле уподобления богатой и сильной Америке, а в смысле включения в ее орбиту. У державы-гегемона способны вызывать откровенную досаду не только «слишком большая» Россия или «слишком большой» Китай, но и объединенная Германия или объединенная Корея именно потому, что большие и самостоятельные державы вообще не вписываются в доктрину моноцентристского мира.

Субъектно-объектный принцип предполагает пассивность объекта, что в культурологическом отношении означает утрату идентичности, а в геополитическом — утрату суверенитета. Таким образом, расшифровка контекста разоблачает новейшую либеральную утопию, превращая ее в антиутопию: предвестие обескачественного, культурно обезличенного мира, управляемого заокеанской технократией.

Чем больше задумываешься над такой перспективой, тем вернее приходишь к выводу, что мир достоин лучшей участи. Неужели богатейшие в духовном отношении, насчитывающие не одну тысячу лет своей истории, цивилизации не-Запада должны навсегда исчезнуть лишь затем, чтобы превратиться в арену действия алчной потребительской личности, не знающей понятия «культура», а знающей понятие «ресурсы»?

С моей точки зрения, предельная самоуверенность сверхдержавы-победителя похвальна в одном смысле: она способствует быстрейшему отрезвлению остальных, в особенности тех, кого победитель, кажется, уже прижал к стенке. В первую очередь это касается нашей страны. Нас не устраивает конец истории, потому что он в определенном смысле означает и конец нашей страны — как, впрочем, и конец всего незападного мира.

История отношений Востока и Запада насчитывает не одну тысячу лет и ни разу еще не приводила к столь экстравагантному результату. Поэтому в основе моего прогноза грядущего состояния мира и места России в нем лежит гипотеза инверсионного взрыва — острейшей реакции на крайности и издержки нынешнего состояния.

Во-первых, это реакция на крайности сегодняшней американизации нашего общества. Замечу, что американизация послевоенных Германии и Японии происходила в присутствии такого глобального сдерживающего фактора, каким был СССР. Это заставляло США вести достаточно гибкую политику в отношении побежденных стран оси и, более того, быть заинтересованными в их экономическом возрождении. Сегодняшняя американизация

постсоветского пространства происходит в условиях однополярного мира, когда сверхдержава-победитель в холодной войне не встречает противодействия своему гегемонизму. Отсюда особенная неумеренность политики натиска на «побежденную сторону», когда даже с ее наиболее бесспорными позициями и интересами не считаются. Создается впечатление, что сегодня вообще нет той черты, перед которой «победители» готовы остановиться, той позиции, захватив которую, они скажут себе: «Довольно». Следовательно, их предстоит остановить, собравшись со всеми силами, какие только есть, вступив в состояние предельной мобилизованности. Вот она, первая черта грядущего состояния российской политической культуры: это будет мобилизационная культура, контрастирующая с нынешним состоянием предельной расслабленности и деморализации.

Во-вторых, это реакция на крайности нынешней западной фазы большого кондратьевского цикла мировой истории. Последняя, судя по всему, характеризуется сменой фаз: первичная цивилизационная фаза древних азиатских культур — ассиро-вавилонской, египетской, персидской — сменилась западной, представленной греческой, затем римской античностью. Закат античности ознаменовался новым рваншем Востока. Само европейское Средневековье в некотором смысле представляет собой активизацию восточной парадигмы внутри Запада. Как пишет по этому поводу Л. С. Васильев, «что касается европейского феодализма, то в ранней модификации он был близок к неевропейской структуре, хотя со временем (в результате усвоения феодальной Европой античного наследия) значительно изменился...»¹. Ренессанс и последовавший за ним индустриальный сдвиг можно считать рваншем западной фазы мирового цикла, заявившей о себе в XV веке в форме модерна. Переживаемый нами рубеж второго и третьего тысячелетий я ощущаю как конец модерна и наступление новой восточной фазы мировой истории. В этом отношении мне близки интуиции И. Валлерстайна: «...Не исключено, что мы переживаем конец модерна, что современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похожа, вероятнее всего, на реальность XV века»².

На закат модерна указывают не только глобальные проблемы современности, свидетельствующие о тупиках того пути человечества, который был инициирован европейским модерном. Может быть, не менее убедительным свидетельством готовящейся смены фаз большого исторического цикла является духовная ситуация нашего времени. Против модерна ополчились по меньшей мере три мощные альтернативные идеи.

В первую очередь это экологическая идея, повышающая статус окружающего природного мира, приниженого модерном и превращенного им в простое средство. Экологическое движение возвращается к тому видению Космоса и человека в нем, которое больше характерно для великой восточной традиции (буддизм, даосизм), чем для западной.

Затем можно говорить об идее культурного многообразия мира, которому модерн угрожает нивелировкой, достигшей крайней формы в образе массовой потребительской культуры.

Судя по многим признакам, культурное многообразие для выживаемости человечества имеет такое же значение, как разнообразие видов в живой природе. Если это многообразие иссякнет, то в запасе у человечества, попавшего в ловушку глобального кризиса, не останется спасительных альтернатив. Совсем не случайно западная цивилизация резко «свернула» свою экологическую и культурологическую самокритику: она таким образом стремится скрыть изъяны модерна и сохранить выгодную ей идеологию всемирной модернизации и вестернизации.

Полагаю, что победа Запада в холодной войне и провозглашенная им программа всемирной вестернизации (конца истории) представляет собой заключительную фазу мирового цикла, начавшуюся в XV в.

¹ Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки, 1988, № 1, с. 68.

² Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // СОЦИС, 1997, № 1, с. 9.

Сегодня наиболее значительный вопрос политической прогностики не в том, что завтра скажет Запад миру, — его заявки в целом уже вполне определились. Вопрос в том, чем ответит Восток на глобальный вызов Запада. Человечество имеет «биполушарную», западно-восточную цивилизационную структуру — без этого его постигла бы убийственная одномерность. Поэтому программу вестернизации мира следует считать авантюрой, противоречащей глубинным онтологическим основаниям нашего социального бытия. Грядущая восточническая фаза мирового мегацикла — это реакция восстановления нормальной биполярной структуры.

Третьей альтернативной идеей, под знаком которой, по всей вероятности, будет выстраиваться Культурная идентичность России в первой четверти XXI в., станет нравственно-религиозный фундаментализм. Он также выступит как реакция на нынешние крайности духовно-нравственного попустительства, чреватого саморазрушением социума. Эмансипация как принцип и программа модерна прошла две фазы. В первой, повышательной фазе эмансипация способствовала творческому самораскрытию человека Нового времени. Он воспользовался ослаблением прежних стесняющих структур, норм и институтов для созидательных инициатив в хозяйственной, социальной и политической сферах жизни. Благодаря, в частности, религиозной реформации, переместившей мобилизационные и дисциплинирующие нормы из внешней среды во внутреннюю, самодисциплинирующую, эмансипирующаяся личность пошла не легким путем вседозволенности и расслабленности, а трудным путем аскезы и созидания. Так продолжалось до тех пор, пока не иссякли добуржуазные предпосылки культуры и морали, завещанные Средневековьем. Как пишет И. Кристол, «...в течение многих поколений капитализм жил за счет накопленного в прошлом морального и духовного капитала. Но с каждым последующим поколением запас этого капитала заметно таял...»³. В нашем поколении он, кажется, истаял едва ли не окончательно. Отныне эмансипирующаяся личность предпочитает идти не трудным путем самодисциплины и созидания, а легким путем тотальной расслабленности нигилистического своеволия и вседозволенности. Кажется, именно таким путем пошло поколение, вырвавшееся из оков тоталитаризма.

В конечном счете это в значительно большей мере способствовало сокрушительным неудачам постсоветского периода, чем все ошибки наших правящих реформаторов.

Модерн следует оценивать по его собственным критериям — критериям успеха. Если не только для большинства населения, но и для интеллектуальной элиты в собственном смысле слова новейшие практики модерна оборачиваются систематическим неуспехом и провалами в варварство, то модерн теряет основание своей социальной и культурной легитимации.

Модерн легитимировался социально и духовно до тех пор, пока эмансипация была формой социальной мобилизации, а не демобилизации, пока в итоге модернизации выигрывали лучшие элементы социума — наиболее квалифицированные, образованные, добросовестные. Но сегодняшний модерн — явно игра на понижение. Его декадентски-запоздалая форма, явленная в России после развала тоталитарной системы, порождает активистов не созидания, а разрушения, разложения и растления. Ясно, что продолжение таких тенденций грозит полным саморазрушением общества. Следовательно, инверсионный взрыв, энергия которого необходима обществу для крутого поворота, положен самой логикой самозащиты нации, если только у нее еще сохранился инстинкт самосохранения.

* * *

Мировая цивилизация сегодня находится на перепутье. Кончается индустриальная эпоха и начинается постиндустриальная. Причем если переход от индустриального к постиндустриальному обществу состоится еще в западнической фазе мирового мегацикла,

³ Кристол И. В конце II тысячелетия. Размышления и Западной цивилизации. — М., 1994, с. 182.

при сохранении экономической, духовной и геополитической гегемонии Запада, то он завершится банальным результатом. Это будет продолжение технической цивилизации, только на более рафинированной технологической основе, например господства информационных технологий. Если же указанный переход совпадет со сменой фаз мирового мегацикла и развернется в условиях растущего влияния Востока, то постиндустриальное общество получит шанс стать качественно иной постэкономической цивилизацией. Это будет уже изменение не только технологий, но и самих принципов жизнестроения, системы ценностей и установок, разрыв с моралью потребительского общества. Масштабы экологического и нравственно-духовного кризисов человечества толкают именно в этом направлении.

Я убежден, что подъем России в западнической фазе цикла вряд ли возможен. Этому препятствует ее духовная традиция как страны, принадлежащей к православному Востоку. Приспособление ее к фазе модерна по-настоящему так и не состоялось, но у России резко повышаются шансы в новой фазе мировой истории, открывающейся только сейчас. В центре этой фазы стоит не экономический, а постэкономический человек, ориентированный на духовные, культурные и экологические приоритеты. Механизмом, обеспечивающим поворот к этой фазе, станет союз постэкономического человека наиболее развитых стран мира с доэкономическим человеком еще не вестернизированного Востока. Постэкономический человек избавит доэкономического человека от комплекса неполноценности, поможет его социокультурной реабилитации и легитимации, а доэкономический человек даст постэкономическому массовую социальную базу. Это и станет основой нового планетарного сдвига.

Вся наша духовная традиция, равно как и жизненные потребности нынешнего периода, ведут к тому, что встреча доэкономического человека с постэкономическим раньше всего произойдет именно в России, которая, таким образом, станет в начале XXI века одним из инициаторов планетарного поворота.

И последнее. Я говорю о реванше истории, а не о реванше России или Востока. Речь идет о том, что прогнозируемый геополитикой поворот, приближающаяся смена фаз исторического цикла необходимы Западу не меньше, а быть может, и больше, чем восточному полюсу человеческой цивилизации. Убежден, что ответ Востока на вызов Запада очистит Запад и даст ему новые силы, новые импульсы исторического динамизма.